

Риторика и политика Дональда Трампа, Терезы Мэй и других лидеров даже не требуют полной реализации. Проявления враждебности и дискриминации, агрессивное отношение к путешественникам в пунктах пересечения государственных границ, трудности с получением виз и другие проблемы, реальные или кажущиеся, будут влиять на то, что люди думают о мобильности и интернационализации. Джинн вылез из бутылки, и засунуть его обратно будет непросто.

До нынешнего момента интернационализация воспринималась как западная концепция, которая отвечает главным образом интересам развитых стран. Но теперь, когда Запад закрывает свои границы, вероятно новая революция в сфере интернационализации высшего образования, и происходит она будет в развивающихся странах и странах с переходной экономикой.

Вероятные последствия

Точно предсказать последствия описанных выше тенденций невозможно, однако представляется вероятным, что:

- паттерны студенческой мобильности заметно изменятся, что повлияет на уже сокращающийся объем рынка международных образовательных услуг в США и Великобритании;
- в мире ухудшится восприятие США, Великобритании и других европейских стран, которые следуют их примеру и движутся в сторону ксенофобии и нетерпимости; это приведет к ухудшению позиций университетов этих стран в международных рейтингах, снижению научного сотрудничества и падению других показателей образовательного престижа;
- больше всего пострадают государственные вузы США и Великобритании, бюджетное финансирование которых продолжит снижаться, так же как и число иностранных студентов, оплачивающих свое обучение;
- небольшие университеты и колледжи, которые уже столкнулись с проблемами демографического характера и чье выживание нередко зависит от притока международных студентов, рискуют закрыться;
- международные филиалы американских и британских вузов, а также другие формы трансграничного образования, предложенные этими странами, замедлят развитие, а на их место придут университеты других стран, включая Индию и Китай; страны Ближнего Востока и других регионов, в которых расположены филиалы западных вузов, будут их меньше поддерживать;
- стипендиальные программы вроде американского «Фулбрайта» или европейского «Эразмуса» ожидают существенные бюджетные сокращения, которые приведут к снижению студенческой и научной мобильности;

- интернационализацию, которую уже считают атрибутом в первую очередь элитарных вузов, смогут себе позволить лишь наиболее престижные университеты.

В то же время будет много примеров того, как американские и европейские университеты, преподаватели и студенты будут противостоять перечисленным выше тенденциям и помогать продвижению международной солидарности, сотрудничества и обменов. Глобальное гражданство — концепция, которую Трамп и Мэй отрицают, — станет ключевым фактором в борьбе вузов за автономность и академическую свободу. Реакция руководителей, сотрудников и студентов американских университетов и колледжей на введенные администрацией Трампа ограничительные меры явно показывает, что они являются противниками такой политики. Такая реакция вызвана не тем, что они боятся потерять прибыль, а тем, что они испытывают преданность фундаментальным принципам высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9758>

Академическая мобильность в эпоху Трампа и брекзита

Людвика Лейсите, Анна-Лена Розе

Людвика Лейсите — профессор наук о высшем образовании, Анна-Лена Розе — научно-учебный ассистент и аспирант, Центр высшего образования Технического университета Дортмунда, Германия. E-mail: liudvika.leisyte@tu-dortmund.de; anna-lena.rose@tu-dortmund.de.

Академическая мобильность и привлекательность национальных систем высшего образования все чаще ассоциируются с академическим превосходством, динамичностью, включенностью в международные сети, научными достижениями, развитием трансфера знаний и технологий и в конечном итоге с улучшением социально-экономического благосостояния населения. Успешность вузов, измеряемая по результатам обучения и научной деятельности, а также умению получать крупные научные гранты, в огромной степени зависит от профессорско-преподавательского состава. В условиях роста международной академической конкуренции возможность привлечь талантливых профессоров во всем мире становится ключевым элементом успеха и для университетов, и для экономических систем. Тем не менее текущие политические процессы, характеризующиеся ростом

популизма, национализма и резкой антииммиграционной риторики, могут вызвать существенные изменения в сложившихся традициях международной академической мобильности.

Традиционные паттерны академической мобильности

Наиболее привлекательными для лидирующих мировых ученых сегодня являются такие европейские страны, как Австрия и Великобритания (иностранцы составляют 25% ученых); Дания, Ирландия, Нидерланды и Норвегия (по 30%); Люксембург и Швейцария (более 50%). Данные Национального научного фонда США за 2016 год показывают, что более половины работающих в стране постдоков в области естественных и инженерных наук были рождены в других странах. Однако нынешние паттерны развития академической мобильности продолжают способствовать укреплению неравенства между центрами академической жизни, которые перечислены выше, и академической периферией (используя терминологию Ф. Альтбаха), к которой относятся небольшие, географически удаленные, экономически слабые страны, как правило менее привлекательные для международных ученых. Проигравшей стороной в этом круговороте научных кадров традиционно становятся страны Центральной и Восточной Европы, Южной Европы, Латинской Америки, некоторые азиатские государства, а также многие развивающиеся страны.

Наше недавнее исследование паттернов академической мобильности в таких странах Центральной и Восточной Европы, как Эстония, Чехия и Литва (традиционно закрытые системы, характеризующиеся переходной экономикой, самобытной историей и культурой, а также политикой протекционизма в отношении своих национальных языков), показало, что этим странам с трудом удается привлекать и удерживать иностранных исследователей и что они страдают от утечки мозгов. Основными препятствиями для привлечения зарубежных талантливых ученых являются сравнительно низкие зарплаты, непрозрачность процесса принятия кадровых решений, высокий уровень nepотизма и академического инбридинга, а также недостаточное знание старшими поколениями местных ученых иностранных языков. В странах Балтии, в особенности в Латвии, дополнительным препятствием для иностранцев является требование о владении местным языком. Мы обнаружили, что ученые, переезжающие в страны Центральной и Восточной Европы, руководствуются другими факторами, нежели их коллеги из других стран. Вместо карьерных перспектив, доступности новейших знаний и оборудования, академической автономии и свободы, низкой преподавательской нагрузки и большого времени для исследовательской деятельности наши респонденты часто называли причины личного или семейного характера в качестве главных факторов переезда, а также интерес к истории, культуре и языку выбранной страны.

Хотя политики заявляют о необходимости привлечения талантливых иностранных ученых, никаких конкретных мер не принимается, а существующие юридические проблемы, связанные с системой выплаты зарплат и иммиграционным законодательством, по-прежнему не решены. В то же время нельзя не отметить, что странам Центральной и Восточной Европы удалось существенно улучшить научную инфраструктуру благодаря финансовым вливаниям из фондов Европейского союза. Кроме того, вузы этих стран увеличивают количество курсов и программ на иностранных языках (чаще всего на английском), что способствует вовлечению иностранных ученых в образовательный процесс. Наконец, все большее число университетов стран Центральной и Восточной Европы, которые не могут привлечь иностранных ученых на стандартных условиях, используют альтернативные стратегии, такие как частно-государственное партнерство, что позволяет создать для иностранных ученых более привлекательные условия за счет более высоких выплат и возможности выделения большего времени на научную деятельность.

Брекзит и Трамп: меняются ли правила игры?

В условиях возрастающего во многих странах популизма, национализма и антииммиграционной риторики вопрос привлечения и удержания талантливых ученых для обеспечения конкурентоспособности науки и высшего образования становится особенно важным и для Европы, и для США. В свете таких недавних событий, как прошедший в 2016 году референдум за выход Великобритании из ЕС (известный как брекзит) и объявление президентом Трампом новой американской иммиграционной политики, мы делаем предположение, что количество ученых, въезжающих в обе страны, уменьшится. Более того, судя по последним новостям из Великобритании, работающие там ученые — граждане других стран ЕС уже были проинформированы Министерством иностранных дел о том, что им нужно готовиться к отъезду из страны. Для иностранных ученых становится значительно меньше поводов и возможностей для того, чтобы переезжать и работать в этих странах. Приведет ли это к тому, что у других стран появятся возможности привлечь к себе таланты?

Для стран Центральной и Восточной Европы, находящихся в условиях демографического спада, высоких показателей эмиграции (особенно среди молодежи) и старения профессорско-преподавательского состава, привлечение студентов и ученых из-за рубежа становится все более значимым элементом обеспечения конкурентоспособности и в конечном итоге выживания национальных систем высшего образования. Мы ожидаем повышения понимания значимости изменения национальных и институциональных практик, а также нормативной базы для привлечения иностранных научных кадров. На фоне стран Центральной и

Восточной Европы Эстония выделяется как успешный пример реализации стратегий и формулирования на национальном и институциональном уровне четких целей по привлечению зарубежных талантливых ученых. За 10 лет, прошедших с момента вступления Эстонии в ЕС (2004-2014 годы), количество иностранных преподавателей и ученых, работающих в вузах страны, увеличилось почти в 8 раз и превысило 8% от общего числа. Инвестирование в решение задачи привлечения ведущих ученых через процедуру открытого рекрутинга и информирование о вакансиях в журнале Science наблюдается в Польше, и можно предположить, что вскоре другие страны региона последуют ее примеру.

**На фоне стран
Центральной
и Восточной Европы
Эстония выделяется
как успешный пример
реализации стратегий
и формулирования
на национальном
и институциональном
уровне четких целей
по привлечению
зарубежных
талантливых ученых.**

Вероятно, изменение условий привлечения и работы иностранных ученых в США и Великобритании расширит диапазон возможностей для стран Центральной и Восточной Европы, а также других стран, ранее находившихся на периферии международного высшего образования. Если они смогут избежать национально-изоляционных тенденций и будут следовать имеющимся положительным примерам снижения препятствий для входящей мобильности, они могут стать более привлекательными для талантливых иностранных ученых. В этом случае мы можем ожидать существенного перераспределения трендов международной академической мобильности.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9761>

Способствуют ли рейтинги повышению эффективности?

Саймон Марджинсон

Саймон Марджинсон — профессор международного высшего образования, Институт образования, Университетский колледж Лондона; директор Центра глобального высшего образования (CGHE), созданного Английским советом по вопросам финансирования высшего образования (HEFCE) и Советом по экономическим и социальным исследованиям (ESRC). E-mail: S.Marginson@ucl.ac.uk.

Глобальные рейтинги университетов появились всего 13 лет назад, но при этом они успели не только стать неотъемлемой частью мирового образовательного ландшафта, но и значительно изменить его. От рейтингов никуда не деться. Те, кто связан с высшим образованием, и те, кто не связан, все хотят понимать, что происходит в этой сфере, а рейтинги — самый простой способ это сделать. Рейтинги формируют своего рода иерархию вузов и находятся в основании партнерских стратегий. Ими руководствуются поддерживающие науку инвесторы. Тысячи студентов, преподавателей и ученых по всему миру принимают решения, отталкиваясь от рейтингов, несмотря на фрагментарность данных, на которых они основаны, и на порочные эффекты всех рейтингов, и хороших, и плохих.

Глобальные рейтинги превратили высшее образование в реляционное пространство, в котором одни возможности увеличились, а другие, наоборот, оказались заблокированы. Это произошло благодаря трем особенностям рейтингов. Первая — конкуренция: благодаря рейтингам в мире закрепилось понимание высшего образования как конкурентного рынка как для вузов, так и для целых стран. Эта конкуренция связана в основном с качеством проводимых исследований, которое является основным ядром рейтингов, и с академической репутацией. Вторая особенность рейтингов — иерархия: рейтинги — ключевой элемент системы оценки деятельности вузов, в котором, однако, реальным знаниям выпускников и дипломам, которые выпускники предъявляют на национальных и глобальном рынках труда, присваиваются неравные веса. Рейтинги становятся инструментом, более плотно связывающим университеты с геополитикой, рынками труда и общественным устройством, в котором царит неравенство и в рамках которого они функционируют. Третья особенность — эффективность: рейтинги внедрили в систему высшего образования экономику достижений, которая контролирует поведение вузов и нередко становится причиной маниакального стремления постоянно что-то улучшать.